

Р. ПЛЯТТ,
народный артист СССР

ВИКТОР АРДОВ и его книга

Я МОГУ считать себя «специалистом по Ардову», так как 40 лет тому назад начал читать в журнале «Новый зритель» его фельетоны, а 39 лет тому назад сыграл роль управдома Сырчука в ардовской «Имениннице». Это было на сцене 9-й школы МОНО имени Томаса Эдисона, которую мне предстояло через два года окончить. Естественно, что в ту далекую пору мне, шестнадцатилетнему, казалось, что автор, которого я читаю и играю, — человек пожилой. А когда я узнал, что он еще и с

бородой, это впечатление усилилось. А потом я стал взрослым, стал актером, потом лично познакомился с Виктором Ефимовичем и тут обнаружил, что Ардов возраст не имеет. Так вот, это ощущение вечной молодости Ардова, которое существует на самом деле (выражение это уже стало банальным, ибо все именно так применительно к Ардову и говорят), вот это ощущение владеет мною по сей день при встречах с автором рецензируемой книги и овладело дополнительно при чтении самой книги.

Она называется «На сцене и — рядом...». И рецензировать ее следует по всем ее компонентам, так мне кажется. Хочется сказать и про ее внешний вид, и про художника, ее иллюстрировавшего, и про предисловие, написанное народным артистом СССР Михаилом Жаровым. Все это удалось.

Предисловие (вернее, очерк, посвященный автору), называющееся «Наш веселый друг», так полно и точно передает образ В. Е. Ардова, что его, это предисловие, я бы и перепечатывал всюду, как рецензию на

книгу. Рисунки художника М. Милославского — не поспешный придаток к тексту, как это часто бывает. Они очень выразительны, динамичны и интересны. И, наконец, в книжке еще имеется текст В. Ардова, и об этом тоже хочется поговорить. Имейте в виду, если уж актер вызвался откликнуться на книгу — значит, она ему понравилась. И не ждите, что вот-вот да проступят капельки дегтя в моем отзыве. Дегтя не будет. Да и рецензии, в сущности, не будет. Назовем это эмоциональным откли-

ком. Так спокойнее. В мире, и даже — увы! — на советской земле, встречаются еще угрюмые люди, а подчас и особо усложненные пессимисты. Такой, если скажешь ему в веселый майский день: «Какая сегодня чудесная погода, не правда ли?» — обдаст тебя тяжелым взглядом и так проскрипит в ответ: «Вы находите?!» — что невольно подумаешь: «Ох, ему одному, очевидно, известно, что сегодня в 19 ч. 37 мин. в районе N. произойдут крупные неприятности».

Так вот, мне кажется,

Литературная Россия, 1963, №17, 26 апреля

что Ардов всем своим творчеством воюет с такими людьми.

Появился Ардов — и уже весело: такой он сам всегда легкий и жизнерадостный или, во всяком случае, всегда кажется таким, что еще ценнее! Он не литературный скопидом, он не копит, а раздаривает юмор, вернее — копит, чтобы тут же щедро одарить окружающих.

У меня есть добрые слова о каждой из тридцати напечатанных в книге вещей, но остановиться мне хочется на двух. Это «Артист» и «Письма к бабушке».

Вещи совсем-совсем разные, как и возраст их героев: артисту, очевидно, за шестьдесят, корреспонденту бабушки Юрику Звягину — за шесть лет...

В первом рассказе преобладает необычная для Ардова интонация — тут он скорее бытописатель, лирик... И хотя повествование ведется с позиций некоего «крупного работника межобластного масштаба», которого Ардов, посмеиваясь, развенчивает по ходу дела, фигура эта призвана лишь оттенить образ

главного героя рассказа, старого актера, которому принадлежат все симпатии автора. И кульминация рассказа — то, как исполняет артист монолог из новой пьесы перед аудиторией трубопрокатного завода, — написана Ардовым взволнованно, трогательно, с полным проникновением в суть творческого процесса.

«Письма к бабушке» — это восемь посланий Юрика Звягина, обстоятельно описывающего свои каникулы. Тут очень смешно и очень точно, без «взрослых

подделок» под детскую речь передана уморительная манера малыша выражаться. Великолепно найден аспект рассказа — ведь всем ходом Юриных писем зло высмеиваются не в меру ретивые культработники, устраивающие из каникулярных праздников «кампании», в результате которых посещение елок превращается для ребят в тягостную повинность.

Рассказ этот не зря посвящен Рине Зеленой — его просто слышишь в исполнении замечательной нашей артистки.

Я остановился на этих рассказах, открывающих книгу, не потому, что они первые, а потому, что писатель предстает тут в разных гранях. И подобно тому, как в нашем цехе ценится актер, умеющий быть разным, так и тут подкупает писательское перевоплощение. У юмориста Ардова обнаруживается зоркое внимание к движениям человеческой души. Вот почему, на мой взгляд, так живы и объемны и его подробные рассказы, и мгновенные зарисовки.

Литературная Россия, 1963, №17, 26 апреля